

СМЕРТЬ ГРѢШНИКОВЪ ЛЮТА.

(Псаломъ 33, 22.)

Всякое выдающееся событіе въ жизни человѣка иногда объясняютъ случайностью; исконный врагъ правды отнимаетъ у насъ желаніе видѣть въ ней перстъ Божій. Но бываютъ и такіе „случаи“, кои *пльняють всякъ разумъ въ послушаніе Христова* (2 кор. 10, 5). Оглашаемъ такое событіе, имѣвшее мѣсто на сихъ дняхъ въ приходѣ нашемъ.

Въ д. Мышлановой, Чингинской волости, Барнаульскаго уѣзда, Томской губ., въ приходѣ Покровской церкви с. Завьяловскаго, живетъ крестьянская семья Вольхиныхъ. Глава семьи, Ѳедоръ, вдовецъ, 58 лѣтъ, извѣстенъ былъ во всемъ околодкѣ, какъ злой человѣкъ. Въ храмъ Божій онъ совсѣмъ не ходилъ; не помнилъ— когда былъ на исповѣди; св. иконы принималъ къ себѣ неохотно и ничего не платилъ не только за молебенъ въ домѣ его, но и за данныя ему восковыя свѣчи. Жилъ онъ безбѣдно; въ семьѣ— три работника, но что зарабатывали два его неотдѣленные сына, Матвѣй и Дороѳей, то Ѳедоръ пропивалъ. Обращался онъ съ ними крайне жестоко; женатаго Матвѣя часто билъ безвинно; а старшій, отдѣленный сынъ, Павелъ, самъ билъ отца.— Съ тещею сына Матвѣя, Ѳедоръ жилъ, какъ съ женою въ домѣ своемъ, и даже не скрывалъ позорнаго своего сожителства. Но особенно худой былъ Ѳедоръ на языкъ: кощунство, и ругательство, злобная рѣчь съ утра до ночи, ежедневно лились изъ устъ Ѳедора, какъ грязные потоки. Сомнительно, чтобы въ деревнѣ кто-нибудь остался не обиженъ имъ. Въ минувшій праздникъ Рождества Христова Ѳедоръ грозился отправить въ прорубь подъ ледъ одного парня, ревнуя его къ дочери своей сожительницы. Всѣ ненави-

дѣли Ѳедора, всѣ его боялись. Трудно сказать, — сколько зла принесъ народу злой языкъ Ѳедора!

Въ крещенскій сочельникъ вечеромъ, 5 января сего 1899 г., Ѳедоръ велѣлъ младшему сыну Дороою (16 л.) подтопить овинъ, чтобы утромъ въ крещеніе молотить хлѣбъ, а самъ пошелъ въ баню. Только банею и выпивкою онъ и отличалъ праздники отъ прочихъ дней. — Выходя изъ бани, онъ оставилъ тамъ и поясокъ, и тѣльный крестъ: заторопился овинъ доглядѣть. Повѣсилъ у воротъ своихъ ведро, бросилъ вѣнникъ, идетъ къ овину. Встрѣчаетъ Дороою, идущаго отъ овина; велитъ ему въ баню идти, что тотъ и исполняетъ. Выходитъ Дороою изъ бани, поглядѣлъ на овинъ, а онъ — въ пламени. Какъ безумный, летитъ парень по улицѣ, кричитъ: „овинъ горитъ“! Сбѣжались люди, стали снѣгомъ забрасывать, потушили. Никто не слышитъ обычной скверной ругани Ѳедора, проклятій его. Гдѣ — Ѳедоръ? — Дороою отвѣчаетъ, что онъ пошелъ въ овинъ. Разобрали потолокъ, спустили въ яму подъовинную на веревкѣ солдатика и онъ ущупалъ тамъ Ѳедора. привязалъ къ нему веревку и вытащили его наверхъ. По истинѣ ужасное зрѣлище представилось очевидцамъ: за живо изжаренный человѣкъ, еще часъ тому назадъ — крѣпкій здоровый, сильный, зловредный... Теперь: ноги его прикрючены къ животу, стоны обгорѣли, заве *ходиша на совѣтъ нечестивыхъ*, дани его изсохли распростертыми, какъ-бы для драки, персты скорчены и обгорѣли, ибо *невосхотѣ грѣшникъ очистити рукъ своихъ* (Іак. 4, 8); высунутый языкъ стиснуть зубами и *конецъ его обгорѣлъ, ибо исполненъ бѣ яда смертоносна* (Іак. 3, 8)...

Иди, мудрецъ вѣка сего, посмотри, осяжи, и не буди невѣренъ!. Трупъ несчастнаго Ѳедора и теперь лежитъ въ мертвецкой, будетъ лежать до судебно-медицинскаго осмотра и наводитъ ужасъ на поселянъ.

Федоръ, Федоръ! Неразь ты слышалъ голосъ пастыря своего, и ласковый, и грозный, призывающій всѣхъ къ покаянію, неразь собирались односельцы твои въ избѣ крестьянской, близъ дома твоего, для очищенія совѣсти и принятія св. таинъ; а тебѣ все „недосужно“ было... Вижу я слѣды гнѣва Божія на тѣлѣ тво-
емъ и потрясена душа моя; а твоя душа—гдѣ? *Аще правед-
никъ едва спасется, нечестивый и грѣшный идѣ явится?*
(Петр. 4, 18). Печальная память о лютой смерти твоей да бу-
детъ въ обличеніе многимъ, да и прочіе страхъ имутъ во спа-
сеніе. (1 Тим. 5, 20; Іуд. 1, 23).

Священникъ Іоаннъ Ландышевъ.
